

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 392

DOI: 10.34130/2233-1277-2020-3-42

Т. А. Афанасьева¹

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
г. Великий Новгород

Свадебная обрядность в новгородской деревне середины XX века (по материалам УНЛ этнологии и истории культуры НовГУ 2000—2001 гг.)²

В статье автор рассматривает бытование в новгородских деревнях традиций и обрядов, связанных со свадебной обрядностью и записанных в ходе этнологического изучения Новгородской области студентами-культурологами и сотрудниками Учебно-научной лаборатории этнологии и истории культуры Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого (НовГУ). Статья нацелена на то, чтобы ввести в научный оборот новые полевые материалы по традиционной культуре региона; оценить возможности дальнейшего использования архивного материала Учебно-научной лаборатории этнологии и истории культуры НовГУ в том числе и в русле изучения свадебной обрядности; показать во времени бы-

© Афанасьева Т. А., 2020

¹ Статья была представлена на XIV Международной научной конференции «Семиозис и культура: человек, общество, культура и процессы социальной трансформации» (6—7 декабря 2019 года, г. Сыктывкар), организованной институтом культуры и искусства СГУ им. Питирима Сорокина.

² Выполнено по гранту «Народное христианство в социокультурном пространстве Новгородской земли XX—XXI вв.: исследование динамики феномена на материале архивных и новейших материалов фольклорно-этнографических экспедиций» РФФИ №18-49-530002.

тование тех или иных традиций и обрядов, обнаружить причины их изменений; проследить региональную специфику свадебной обрядности. Для написания статьи использованы отчеты этно-культурологических экспедиций 2000 года (Любытинский район Новгородской области), 2001 года (Пестовский район). Полученные в ходе учебной практики материалы хотя и не позволяют полностью воссоздать традиции свадебной обрядности Новгородской области, но дают возможность выделить ее региональные особенности, помогают раскрыть полноту региональной наполненности обряда, поскольку наряду с общепринятыми моментами мы находим и отличительные черты. Сравнение с этнографическими и фольклорными материалами, собранными в более ранний период, позволяет проследить традицию во времени — устойчивость и ареал ее бытования.

Ключевые слова: народное христианство, традиционная культура, полевые исследования культуры, свадебные обряды, Новгородская область.

T. A. Afanasyeva

Yaroslav – the – Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod

**Wedding Ceremonies in the Novgorod Village
of the mid-20th century (Based on the Materials
of the Educational and Scientific Laboratory of Ethnology
and History of Culture of Novsu 2000—2001)**

The article deals with traditions and rituals concerning wedding ceremonies in Novgorod villages collected by students during ethnological study of the Novgorod region that was organized by the Educational and Scientific Laboratory of Ethnology and Cultural History of the Novgorod state University named after Yaroslav the Wise (NovSU). The purpose pursued by the article is to include into scientific circulation new materials on the traditional culture of the region; to assess the possibility of further use of archival material of the Educational and Scientific Laboratory of Ethnology and History of Culture of the Novgorod state University; to show existence of certain traditions and rituals and to discover the reasons for their changes; to track region-specific wedding rituals. To write this article, we used the reports of ethno-cultural expeditions in 2000 (the Lyubytinsky district of the Novgorod region), 2001 (the Pestovsky district). The materials obtained during the training practice, although they do not allow us to fully recreate the traditions of wedding rites in the Novgorod region, make it possible to highlight its regional features. Their comparison with ethnographic and folklore materials collected in an earlier period allows us to trace the tradition over time. The materials help to reveal the fullness of the regional wedding traditions, because along with generally accepted things, we also find distinctive features.

Keywords: *folk Christianity, traditional culture, field studies of culture, wedding ceremonies, the Novgorod region*

Введение. Семейная обрядность, включающая в себя традиции, связанные с родами, крестинами, свадебной и поминальной обрядностью, представляет собой наиболее значимую часть традиционной культуры народа. Семейная обрядность новгородской деревни изучена неравномерно. Работы современных исследователей традиционной культуры Новгородской области, посвященные тем или иным аспектам семейной обрядности, являются в основном представлением результатов полевых исследований определенного региона Новгородской области: фольклорных экспедиций (В. И. Жекулина, О. С. Бердяева)¹, проводимых в том числе учащимися и сотрудниками МАУДО «Новгородская детская музыкальная школа русского фольклора» (М. К. Бурьяк); полевых экспедиций ФГБУК «Новгородский государственный объединённый музей-заповедник» (НГОМЗ) (см. статьи: О. Бевз, Е. В. Китаева, Т. А. Климова, Е. Н. Мигунова), этнокультурологических экспедиций НовГУ (М. И. Васильев, Т. А. Воскресенская, И. А. Мельников) и др. Объем полевых материалов, которые благодаря публикации (например, на страницах журнала «Витославлицы: альманах»), становятся доступными как для специалистов, так и для людей неравнодушных к культуре региона, все время увеличивается. Появляются новые формы подачи материала. В период пандемии COVID-19 сотрудниками Музея народного деревянного зодчества «Витославлицы» (НГОМЗ) в рамках проекта «#МузейПротивВируса#НовгородскийМузейОнлайн» подготовлен ряд видеорассказов о новгородской свадебной обрядности конца XIX — начала XX в.², которые размещены на странице учреждения «ВКонтакте». Однако большая их часть все еще остается неизвестной, скрываясь в архивах различных учреждений культуры и образования региона.

Свадьба является наиболее изученным элементом семейной обрядности региона. Собранные материалы уже позволили реконструировать обряды Старорусской [см. 1, 2], Валдайской [3], Поддорской

¹ Часть материала составляет основу архива Учебно-научной лаборатории фольклора НовГУ.

² #ВитославлицыLive: Досвадебная обрядность, #ВитославлицыLive: Свадьба крестьян Новгородской губернии (первый день), #ВитославлицыLive: Свадьба крестьян Новгородской губернии (второй день)

свадьбы. Отдельные элементы свадебной обрядности (сватовство [4], рукобיתье [5]) рассмотрены в работах сотрудников НГОМЗ.

Данная статья нацелена на то, чтобы ввести в научный оборот новые архивные материалы по традиционной культуре региона; оценить возможности дальнейшего использования архивного материала Учебно-научной лаборатории этнологии и истории культуры НовГУ в том числе и в русле изучения свадебной обрядности; показать во времени бытование тех или иных традиций и обрядов, обнаружить причины их изменений; проследить региональную специфику свадебной обрядности.

Методы исследования, теоретическая база. Студенты Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого благодаря стараниям известного исследователя русской традиционной культуры, доктора исторических наук Михаила Ивановича Васильева внесли вклад в изучение традиционной культуры Новгородской области. На протяжении полутора десятилетий (2000—2015 гг.) студенты-культурологи ежегодно в рамках четырехнедельной летней этнологической практики совершали этно-культурологические экспедиции в районы Новгородской области. Объектом изучения в том числе стала семейная обрядность. С 2015 г. этно-культурологические экспедиции проводятся сотрудниками Учебно-научной лаборатории этнологии и истории культуры¹ и будущие культурологи принимают участие в изучении культуры региона только в качестве волонтеров.

В ходе полевых исследований студенты опрашивали носителей культуры: местных жителей; уроженцев Новгородской области, детство которых прошло в пределах изучаемых регионов, впоследствии сменивших место проживания; жителей региона, переехавших на Новгородчину и определенное время (достаточное для знакомства с культурой региона) проживших на указанной территории. Возрастной состав информантов колеблется от 1920-х до 1940-х годов рождения. Поэтому временными границами изучения становится военное и послевоенное время (40—60-е годы XX века). По воспоминаниям о жизни родителей иногда удается восстановить картины семей-

¹ С 2017 г. она является частью Центра этнологических и социокультурных исследований Инновационного комплекса «Антоново» НовГУ. Подробнее см. <http://www.novsu.ru/dept/24465109> (дата обращения: 27.07.2020).

ного быта довоенного периода — второй, а иногда и первой (дореволюционной истории России) четверти XX века. При этом необходимо помнить, что опрос информантов проводился в 2000—2001 гг. и это обстоятельство не могло не повлиять на полученные материалы. Изменение общественного и экономического уклада жизни, возрождение храмов, «возвращение религии» в конце XX — начале XXI в. нашло отражение в материале, записанном от деревенских жителей.

В статье использованы наиболее ранние по времени получения материалы: отчеты этнокультурологических экспедиций 2000 г. (Любытинский район Новгородской области) и 2001 г. (Пестовский район).

Для исследования привлечены опубликованные материалы по свадебной обрядности Новгородской области, авторы которых предприняли попытки восстановить складывавшуюся на протяжении многих веков в целостную систему традиционных для региона обрядов, то есть традиций, обуславливавших жизнь общества на рубеже XIX—XX вв. Свадебная обрядность рубежа веков рассмотрена с привлечением материалов НГОМЗ [см. 4—8]. Реконструкцию свадебного обряда Новгородской области указанного периода (использованы данные Старорусского района) на основе фольклорных записей преподавателей и студентов НовГУ, фиксируемых с середины 60-х годов XX века, мы находим в сборнике «Фольклор Новгородской области: история и современность» [1].

Результаты исследования и их обсуждение. XX век внес значительные перемены в семейные традиции и обряды, изменив в некоторых случаях разительным образом уклад жизни деревенского жителя, который складывался на протяжении многих столетий. Новгородская деревня пусть не очень быстро, но тоже принимала новые формы, ценности и принципы, в том числе и семейной жизни, что подтверждают опрошенные информанты.

Прежде всего изменения коснулись самого института брака. Сакральность и нерушимость брачных уз оказались не востребованы новым временем и новым строем, что сделало возможным неоднократное вступление в брак. В дореволюционный период подобная ситуация касалась в основном вдовцов, обязательно находивших себе спутницу жизни, которая брала на себя обязанности по уходу за детьми от первого брака и ведение хозяйства. Другие случаи в сознании дере-

венского жителя были невозможны. Для всех остальных действовала формула, озвученная информантом: «Как сойдутся, так и живут» (1, с. 2). Упразднение церковного брака, закрытие деревенских храмов, создание новой (гражданской) системы регистрации и расторжения браков упростили обрядовую составляющую свадебной игры. Как описывает информант из д. Богослово Пестовского района, раньше в сельсовете «записывались»: «он в фуфайке был, а я в жилетке — вот и весь наряд...» (2, с. 1). В советский период стали возможны браки с разведенными. Нередки были случаи создания семей, в которых воспитывались дети от предыдущих браков как мужа, так и жены.

Свадьба, как описывает О. С. Бердяева, представляет собой «сложный комплекс различных ритуальных действий», одним из основных назначений которого является «прием в семью нового ее члена — работника и продолжателя рода» [1, с. 87]. По определению исследователя, «старинный свадебный обряд, зафиксированный на территории нынешней Новгородской области, относится к северной традиции» [1, с. 87] и включает следующие основные моменты обряда: сватовство, рукобитье, баня, девичник, приезд жениха с дружкой, утро венчального дня, отъезд к венцу, свадебный стол, «яишня» (яичница), или хлибины [1, с. 89]. По словам О. С. Бердяевой, свадебный обряд в фольклорном архиве НовГУ представлен неплохо. При этом автор отмечает, что записи, сделанные в 60-е годы, не всегда интереснее и качественнее, чем те, которые поступили в 80-е и 90-е гг.» [1, с. 87]. Вероятнее всего в этом плане всё зависит от самой традиции, а также способов ее передачи и сохранения в каждом конкретном регионе.

Долгое время обряды перехода были освящены церковными обрядами. Так смена семейного положения была связана с необходимостью венчания в церкви. Хотя уже в конце XIX в. начинает формироваться альтернативная форма вступления в брак, Е. Мигунова отмечает, что «на территории Новгородской губернии в конце XIX — начале XX в. в крестьянской общине существовало две формы заключения брака: традиционная свадьба и свадьба “убёгом”» [8, с. 54]. Называть эту форму могли по-разному: краденая, уходом, уводом, самохотка, самоходка. По мнению сотрудника НГОМЗ, «возникновение этого самобытного явления, возможно, уходящего корнями в языческое прошлое (похищение невесты), обусловлено рядом причин экономического и этического характера» [7, с. 54], среди которых сокращение расходов на свадьбу с обеих сторон и воз-

можность избежать осуждения для тех, кто не смог обеспечить свою дочь приданым. Новая форма учитывала симпатии самих молодых людей в отличие от традиционного обряда, где главную роль в создании новой семьи играли родители.

Реалии 40—60-х годов XX в. были таковы, что большинство информантов вышли замуж именно «уходом», или «самоходкой», то есть без разрешения родителей. Но если родители одних знали, что жених увезет их дочь и не противились выбору, то родители других бросались на поиски увезенной дочери (7, с. 5). В последнем случае всё могло заканчиваться положительно для сбежавших (то есть родители соглашались на брак, отдавали приданое и даже играли свадьбу), а могло обернуться проклятием со стороны последних.

Причиной для заключения браков нередко выступала необходимость. «Запрятали замуж» — так говорили те, кто вынужден был выходить замуж, поскольку семья родителей была очень бедной (3, с. 7) или в связи с невыносимостью проживания в одном доме с невестками после смерти матери (3, с. 8).

Традиционным временем для свадеб было время после окончания сельскохозяйственных работ, но чаще всего свадьбы играли зимой в мясоед. Как подходящий срок для заключения брака называли еще и масляную неделю (1, с. 5). Средний брачный возраст составлял 18-22 года для девушки, мужчины были, как правило, постарше. По данным отчетов, ранних браков не было (говорили: «Пускай поживет, пускай ума накопит, ... наживется еще...» (6, с. 3)). В деревнях были и те, кого называли «старыми девами» (6, с. 2), женщины, так и не создавшие семью.

По давней традиции [1, с. 88] главная роль в выборе будущего мужа или жены отводилась родителям или старшим в роде. По рассказам информантов, девушка «в те времена выходила замуж по воле родителей» (6, с. 3). «Присматривали» пару на посиделках и во время деревенских праздников. Состав сватов в каждом случае различен, но чаще всего это были родственники или друзья жениха. Е. Мигунова отмечает, что сватать обычно приглашали человека, состоящего в браке (это могла быть и замужняя женщина, например мать, если она была вдовой), удачливого в таком деликатном действе и с «хорошо подвешенным языком» [4, с. 109]. По ее же данным, специальная одежда «красные кушаки у сватов» упоминается лишь в Пестовском районе [4, с. 109]. Сваты, приезжая, говорили: «Печка ваша — невеста

наша» (такой приговор, по данным Е. Мигуновой, встречается в Мошенском районе [4, с. 110]) или «Не надо ли вам такого-то жениха?». Если невеста отвечала положительно, то пришедших приглашали за стол для дальнейшего обсуждения, угощали. По данным Е. Мигуновой, в Пестовском районе гости приходили не с пустыми руками (на сватовство «зять привез четверть самогонки, а хозяева ставили самовар») [4, с. 110]. Из того же источника черпаем сведения о том, что сваха при положительном сватовстве могла попросить у хозяев задаток, например платок. Студентами-культурологами НовГУ в Пестовском районе был описан интересный обычай, согласно которому при получении отрицательного ответа незадачливый жених мог «головешку получить» (то есть обнаружить у себя в саях обожженные головешки, подброшенные подружками его избранницы (2, с. 3)). Е. Мигунова упоминает о традиции в таком случае привязывать к саям жениха соху, «чтоб больше такой жених сватать не ездил» [4, с. 112].

Даже если свадьба ограничивалась только записью в сельсовете, приданое всё же играло немаловажную роль. Перевоз приданого — сундука с салфетками, скатертями, половиками, полотенцами, подушками, одеялами, перинами, всего того, что необходимо было в каждом хозяйстве, и того, что девушка готовила для будущей семейной жизни с детства, а также (по возможности) скотины: лошади, коровы, овцы, предметов мебели — являлся значимым событием и имел свое словесно-действенное сопровождение. Невеста развешивала «все свое добро» в доме мужа, чтобы ее мастерство, трудолюбие и богатство могли оценить все желающие (был такой обычай — «любоваться полотенцами» (6, с. 3)). Раньше говорили: «На свадьбу идут с глазами, а на похороны с животом», то есть на похоронах — едят, на свадьбе — смотрят (8, с. 4). Заходя в дом жениха с приданным в Любытинском районе, родственники невесты говорили: «Снимай все свое хорошее, мы хуже повесим» (8, с. 1). Иногда «хитрили», брали расшитые полотенца у знакомых и соседей, а после свадьбы возвращали обратно, кроме того, что готовила невеста в качестве подарков для родни жениха (родителей, золовух, деверьев) (2, с. 5).

Перед свадьбой девушки устраивали невесте баню, где они и сама невеста «голосили» (плакали голосом), после чего устраивали вечерину — «девичник» (вечерина у жениха называлась, по словам информантов, «парневник»). Во время вечерины, под звуки свадебных песен (в Любытинском районе это была «На горе-то стоит

телочка» (7, с. 6)) и «причитающих старух» невеста прощалась с девичеством и вольной волюшкой. Свидетельством чего могли быть «красотинки» (д. Назарьено, Пестовского района) — ленты, которые подружки вплетали в косу невесты после бани: «Когда ее приведут из бани, эти то из косы выплетают и подружкам раздают на память» (2, с. 3). Г.Е.И. вспоминала о том, что во время «девичника» невеста готовила «кусочки», или «кусечки», — тряпочки разных цветов, из которых делали ленту и вплетали невесте в волосы (косу) (7, с. 6). Сама невеста обращалась к подружкам со словами: «Благословите вы, подружки милые, во чужую-то деревню, ко чужому-то чужанину. Что мне там не угадать, как и потому-то идти. Как меня еще примут-то там» (7, с. 6). Подобный обычай с подробным описанием обрядовой бани (байни), девичника (вечерины) и прощанья с «красной красотой» является частью реконструкции свадебного обряда в Старорусском районе [1, с. 109—119].

В день регистрации брака утром жених (1, с. 4) приезжал за невестой на повозке с впряжёнными лошадьми. Летом свадьбы играли на телегах, зимой — на санях. Упряжь украшали лентами, бантами, бубенцами и колокольцами, лошадям плели косы. Из обычаев, связанных с приездом жениха и выкупом невесты, информанты припомнили традицию скрывать ее от жениха. Невесту вместе с подружками накрывали чем-нибудь, а жених должен был угадать свою суженую (2, с. 5).

Перед свадьбой невесту «окручали» (одевали) подружки, делали прическу. В бытность опрошенных информантов готовых платьев не было, по возможности шили платья белого, голубого или розового цветов или надевали юбку с кофтой («однопарку»). Голову могли украшать восковыми цветами. Белое платье, фата — это атрибуты свадьбы их матерей (свадебное платье берегли: «В чём венчалась, в том и кончалась» (1, с. 3)). Сохранились лишь воспоминания о головном уборе, игравшем атрибутирующую роль в женском традиционном костюме, а потому обряд перехода девушки во взрослую семейную жизнь сопровождался несколькими значимыми ритуальными действиями, связанными с головным убором и прической. Говоря о свадебном обряде Новгородской области, О. С. Бердяева упоминает о женском головном уборе — кика новгородская [1, с. 88], при реконструкции старорусской свадьбы упоминается также шлык и повойник [1, с. 117]. Опрошенные информан-

ты из Любытинского района вспоминали о таком головном уборе замужней женщины, как «повойник», и о том, что во время свадьбы невесте две косы заплетали вместо одной «девичьей» или «валик во всю голову делали» (6, с. 5), пряча под него ее волосы. В Пестовском районе упоминали о головном уборе невесты — «красота» («На голове у невесты была красота такая, сделанная из бус разных. Она горьма горит») и о женском головном уборе — «сборник». По описаниям, «красота — это полотенце с нашитыми всякими тряпочками. Она разными цветочками была украшена... Красоту как платок назад завязывали, а мышки вперед протягивали», «Красота — это цветочки бусами расшиты, такая лента на сборнике» (2, с. 4). По старорусским записям, «красная красота, символ девичества представляет собой веночек с лентами, надетый на голову невесты» [1, с. 114]. З.В.М. из д. Заручевья пояснила, что «красота» была частью сложного головного убора невесты: «Сначала сборник, потом красота, а сверху бархатину надевают». Девушки наряжали невесту в «красоту» еще до свадьбы, а снимали, оставляя только головной убор замужней женщины «сборник» уже после свадебного застолья. Замужняя женщина «потом весь век так в сборнике и ходит» (2, с. 4).

Частично удалось получить информацию и о других элементах свадебной обрядности. Так, перед венцом невеста шла к родителям за благословением, приговаривая следующие слова: «Родители, благословите меня. Отправляюсь-то я к чужому-то чужанину, во чужую-то во деревню, где мне по полу-то не пройти» (7, с. 5). Обращаясь к родственникам, она пропевала: «Благослови, родима матушка, что во путь-то во дороженьку, к чужому-то отцу с матерью» (7, с. 6).

По словам одного из информантов, перед венчанием родители «образовывали» жениха и невесту, то есть обходили вокруг них с иконой. Под ноги невесте и жениху кидали шубу, а вокруг носили хлеб, на котором стояла икона (7, с. 6). В д. Вятка Пестовского р-на согласно экспедиционным записям НГОМЗ жениха и невесту благословляли такими словами: «Благословляю: сложите хлеб с хлебом, соль с солью, любовь с любовью и живите!» [3, с. 132]. Традиция благословения молодых, стоящих на шубе, иконой (в некоторых регионах и хлебом), перед венцом, описана в книге «Фольклор Новгородской области» [1, с. 120].

Молодым, направлявшимся от венца на праздничное застолье, перегородивали дорогу, и жених откупался деньгами (1, с. 5). Общей

традицией является встреча молодых от венца хлебом-солью, посыпание их житом, по словам информантов, «чтоб в достатке жили». В д. Неболчи и д. Бор Любытинского района жених и невеста в дом первые входили, перед ними расстилали дорожку (половик) (6, с. 5). По другим сведениям, молодые, входя в дом, проходили через двор, где стоит скотина, а гости посыпали их просом и мелочью. При этом загадывали, сколько зернышек проса поймаешь, столько и детей будет. По словам другого информанта, это делалось для того, чтобы невеста все убрала как можно быстрее, так молодой проверял проворность своей жены (7, с. 7). Старорусская свадьба в этом сегменте дополнялась обрядом «раскрывания» молодой в доме мужа [1, с. 125], память опрошенных информантов подобного обряда не сохранила.

Г.Е.И. утверждает, что все дни свадьбы молодые ели и пили из одного комплекта посуды (одна тарелка, одна ложка, вилка и даже стопка), чтобы понять, близки они друг другу или все же нет (7, с. 7). После застолья молодожены отправлялись спать. Для них была приготовлена отдельная кровать (7, с. 7).

На второй день молодых будили подружки и звали к завтраку. В Любытинском районе при этом в трубу могли кидать миску с кашей и смотрели: сколько черепков — столько и детей (7, с. 7). Молодая жена спрашивала у родителей мужа, как их называть (как правило, их называли мамой и папой) (6, с. 5), демонстрировала свои умения и характер. «Горшки били» повсеместно [1, с. 129], то есть клали деньги и соломку в горшок, который после разбивали, а невеста должна была веником собрать мусор и деньги (1, с. 5). В Любытинском районе испытание ждало молодую, когда та ходила за водой к колодцу. Деревенские мальчишки подбегали и опрокидывали ей ведра. Молодая должна была смиренно и с усердием снова и снова повторять эту работу (6, с. 5).

Завершением свадебного обряда служило посещение тещи на второй или третий день свадьбы. Теща готовила зятю «яишню». Если жених начинал ее есть с середины, то все понимали, что жена ему досталась нечестная, если с края — честная («в чести» замуж вышла) (6, с. 5). В отличие от старорусского обряда хлибины, в Любытинском районе говорили, что кто-то мог положить в яишню деньги. Если их находили, это сулило богатство (если их найдешь — богатым будешь) (7, с. 7).

До XXI века сохранилась память о приметах, предвещавших молодым их будущую жизнь в браке. Одна из них, связанная с венча-

нием, гласит, что «тот, кто в церкви первый встанет на подножье, — «тот и будет верховодить» в семье» [1, с. 120], подтверждается одним из информантов (6, с. 5). В Любытинском районе зафиксирована примета: когда жених начинал раздевать невесту после праздничного застолья, то нередко у нее из валенка выпадала мелочь. Это значило, что невеста будет богата (7, с. 7). Е. Мигунова упоминает о традиции, когда молодая разувала супруга, то могла найти в сапоге деньги, что также означало богатство. Если же в сапоге она находила плетъ, это означало, что муж «будет суровый» [6, с. 136].

Все обрядовые моменты свадебной игры сопровождались определенными песнями или приговорами. Описывая старинный свадебный обряд, О. С. Бердяева отмечает, что «поэтические жанры в составе обряда были традиционными». Главные из них — лирические обрядовые песни, которые исполнялись девушками, подружками невесты, и причитания — «вой на голос», исполняемые в основном невестой, ее матерью, сестрой» [1, с. 89]. К сожалению, свадебные плачи не сохранила память информантов. Однако о некоторых лирических песнях информанты вспомнили. Так утром перед венчанием невеста могла слышать песни, которые описывали ей будущую жизнь:

....Приплывала лебедь белая,
Да что со стада лебединого,
Приплывала лебедь белая,
Да что ко стаду-то серым гусям.
Те гуси стали ее щипати,
А лебедушка-то стала кликати:
«Не щиплите, гуси серые!
Не сама я к вам залетела,
Занесло меня погодаю,
Да, что погодую-невзгодною...» (7, с. 6—7).

Песня «Из-за лесу, лесу тёмного», фрагмент которой представлен выше, была также частью репертуара довенечной части старорусского свадебного обряда [1, с. 116]. Свадебное застолье сопровождалось свадебными песнями (к примеру, «Как при вечере, вечере, при последней поры времечко...» (1, с. 5)).

Во время застолья кричали: «Горько» — заставляли целоваться, хвалили молодых и их родителей. Реконструированный обряд старорусской свадьбы содержит несколько образцов величальных песен. В Любытинском районе жениха величали следующей:

Кто у нас хороший,
Кто у нас пригожий,
Люленьки-люли, люленьки-люли
Коленька хороший,
Коленька пригожий,
Люленьки-люли, люленьки-люли
На коня садится Колька
Да веселится...(6, с. 6).

Для гостей использовали другую припевку, за которую величаемые по имени платили деньгами:

У нас Оленька хороша,
Она девочка пригожа,
Одари нас не рублем, не полтиною,
А золотою шести гривною (7, с. 7).

Для величания молодых могли использовать присказки: на слова кого-то из гостей «В стакане гуж...», невеста должна была ответить: «Иван Петрович — мой муж», или в ответ на фразу: «Я выпил бы стакан, да в нем пшена...», жених кричал: «Ольга Алексеевна — моя жена» (7, с. 7). Подобные присказки встречаются в записи о свадьбе жительницы г. Пестово, имевшей место быть в конце 40-х гг. XX века [1, с. 131]. Подобным образом величать молодых могли уже на второй день свадебного застолья.

Полноценный свадебный обряд, как отмечает О. С. Бердяева, перестал существовать в новгородских деревнях в 30-е гг. XX в. [1, с. 130]. Рассмотрев полученный в 2000—2001 гг. материал, мы вынуждены согласиться с исследователем, которая резюмировала: «Старинный свадебный обряд претерпел серьёзные изменения, особенно в советский период, когда резко менялось сознание человека, а прежние обычаи воспринимались молодежью как пережитки прошлого. Полнокровный сложный свадебный обряд уходил в прошлое, сохранялись лишь его отдельные элементы, которые часто переосмысливались» [1, с. 89]. Полученные в рамках этнокультурологических экспедиций НовГУ данные не позволяют даже приблизиться к реконструкции свадебного обряда, однако дают возможность выявить некоторые особенности состава свадебной обрядности исследованных регионов.

Заключение. Полученные в ходе учебной практики материалы дополняют ранее опубликованные, помогают выявить возмож-

ную полноту региональной наполненности обряда. Их сравнение с этнографическими и фольклорными материалами, собранными в более ранний период, позволяет проследить традицию во времени — устойчивость и ареал ее бытования. В дальнейшем привлечение полевых материалов из других регионов поможет нам понять и обозначить сущность тех элементов обряда, которые до настоящего времени не нашли должного объяснения.

Как мы видим, свадебная обрядность в XX в. претерпела значительные изменения. Вместе с семейным укладом менялись ценностные ориентиры целых поколений. Нарушение традиционных принципов наследования культуры (от поколения к поколению) изменило существовавшую систему обрядности. Новое же время не смогло принести достойной и полноценной замены былым традициям. Может быть, именно поэтому за последние годы мы неоднократно возвращаемся к культурной памяти народа, к его культурному наследию, вынужденные по крупицам воссоздавать в том числе и обрядовую красоту и многогранность региональной культуры.

Список архивных источников

1. Отчёт Каретниковой И. // Архив УНЛ ЭиИК НовГУ. ЭКЭ 2000 г.
2. Отчет Пастуховой Е. // Архив УНЛ ЭиИК НовГУ. ЭКЭ 2001 г.
3. Отчет Вакарук О. // Архив УНЛ ЭиИК НовГУ. ЭКЭ 2001 г.
4. Отчет Григорьевой Е. // Архив УНЛ ЭиИК НовГУ. ЭКЭ 2001 г.
5. Отчет Гурковой А. // Архив УНЛ ЭиИК НовГУ. ЭКЭ 2001 г.
6. Отчет Щетинкиной В. // Архив УНЛ ЭиИК НовГУ. ЭКЭ 2000 г.
7. Отчет Фарафоновой К. // Архив УНЛ ЭиИК НовГУ. ЭКЭ 2000 г.
8. Отчет Гуркиной Л. // Архив УНЛ ЭиИК НовГУ. ЭКЭ 2000 г.
9. Отчет Ерофеева Д. // Архив УНЛ ЭиИК НовГУ. ЭКЭ 2001 г.
10. Отчет Васильевой И. // Архив УНЛ ЭиИК НовГУ. ЭКЭ 2001 г.

Библиографический список

1. Бердяева О. С. Фольклор Новгородской области: история и современность / сост. О. С. Бердяева. М.: Издательский дом «Стратегия», 2005. 352 с. (Золотая коллекция). См. также Бердяева О. С. Проект «Фольклор Новгородской области». URL: <http://www.novgorod.ru/city/history/folklor>
2. Жекулина В. И. Старорусская свадьба (методические рекомендации в помощь клубным работникам). Новгород, 1988. С. 7—8.
3. Жекулина В. Валдайская свадьба / Новгород. обл. центр народ. творчества. Новгород : [б. и.], 1994. 83 с.

4. Мигунова Е. Сватовство // Витославлицы: альманах / Новгород. гос. объедин. музей-заповедник, Музей нар. деревян. зодчества «Витославлицы». Великий Новгород, 2014. Вып. 3. С. 107—113.

5. Мигунова Е. Н. «Рукобитё» («Большой запой») в структуре свадебной обрядности // Ежегодник новгородского государственного объединенного музея-заповедника 2003. Великий Новгород, 2004. С. 157—160.

6. Мигунова Е. «Как свадьбу сыграешь, так и жить будешь» // Витославлицы: альманах / Новгород. гос. объедин. музей-заповедник, Музей нар. деревян. зодчества «Витославлицы». Великий Новгород, 2014. Вып. 3. С. 130—138.

7. Мигунова Е. Девичий «навоз» // Витославлицы: альманах. Великий Новгород, 2011. Вып. 2. С. 49—52.

8. Мигунова Е. Свадьба «уходом», «самохотка в охапку» // Витославлицы: альманах / Новгород. гос. объедин. музей-заповедник, Музей народ. деревян. зодчества «Витославлицы». Великий Новгород, 2009. Вып. 1. С. 54—55.

References

1. Berdyayeva O. S. Fol'klor Novgorodskoj oblasti: istoriya i sovremennost' / Sostavitel' O. S. Berdyayeva. Moscow, Izdatel'skij dom «Strategiya», 2005. 352 p. (Zolotaya kollekcija). (In Russian)

2. Zhekulina V. I. Starorususkaya svad'ba (metodicheskie rekomendacii v pomoshch' klubnym rabotnikam). Novgorod, 1988, pp. 7—8 (In Russian).

3. Zhekulina V. Valdajskaya svad'ba / Novgor. obl. centr narod. tvorchestva. Novgorod : [b. i.], 1994, 83 p. (In Russian)

4. Migunova E. Svatovstvo. Vitoslavlicy: al'manah / Novgor. gos. ob"ed. muzej-zapovednik, Muzej nar. derevyan. zodchestva «Vitoslavlicy». Velikij Novgorod, 2014, vyp. 3, pp. 107—113 (In Russian).

5. Migunova E. N. «Rukobit'yo» («Bol'shoj zapoj») v strukture svadebnij obryadnosti. Ezhegodnik novgorodskogo gosudarstvennogo ob"edinennogo muzeya-zapovednika 2003. Velikij Novgorod, 2004, pp. 157—160.

6. Migunova E. «Kak svad'bu sygraesh', tak i zhit' budesh'». Vitoslavlicy: al'manah / Novgor. gos. ob"ed. muzej-zapovednik, Muzej nar. derevyan. zodchestva «Vitoslavlicy». Velikij Novgorod, 2014, vyp. 3, pp. 130—138 (In Russian).

7. Migunova E. Devichij «navoz. Vitoslavlicy: al'manah. Velikij Novgorod, 2011, vyp. 2, pp. 49—52 (In Russian).

8. Migunova E. Svad'ba «uhodom», «samohotka v ohapku». Vitoslavlicy: al'manah / Novgor. gos. ob"ed. muzej-zapovednik, Muzej narod. derevyan. zodchestva «Vitoslavlicy». Velikij Novgorod, 2009, vyp. 1, pp. 54—55 (In Russian).